

S T U D I A P H I L O L O G I C A

Карен Степанян

ДОСТОЕВСКИЙ И СЕРВАНТЕС

Диалог в большом времени

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2013

УДК 82/821.0
ББК 83.3
С 79

Издание осуществлено при финансовой поддержке
*Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018 годы)»*

Исследование проведено при финансовой поддержке
*РГНФ в рамках проекта подготовки научно-популярных изданий
«Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени», проект №10-04-93801к/К*

Степанян К. А.

С 79 Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени. — М.:
Языки славянской культуры, 2013. — 368 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9551-0537-6

Сервантеса — наряду с Шекспиром и Шиллером — Достоевский называл в числе величайших гениев мировой литературы, наиболее ценимых им. Образы Дон Кихота и князя Мышкина сопоставлялись множество раз, однако до сих пор не существовало специального исследования, посвященного сравнительному анализу всего творческого пути русского и испанского писателей в контексте культурной истории Европы. Монография доктора филологических наук, вице-президента российского Общества Достоевского Карена Степаняна восполняет этот пробел. В книге рассматриваются сходства и различия между Испанией XVI—XVII вв. и Россией XIX в., сложнейшая духовная эволюция обоих писателей, переживших ужас ожидания смертной казни и помилование в последний момент, тюрьму, лишения, прижизненную славу и непонимание, противостоявших кризису личности и христианской цивилизации и разгадавших многие метафизические тайны бытия. Раскрываются причины, подвигшие Достоевского и Сервантеса на разрешение грандиозной художественной задачи: создать образ «положительно прекрасного» человека и понять, способна ли такая личность собственными силами победить мировое зло. В главах, посвященных Дон Кихоту и Мышкину, прослежено и меняющееся восприятие этих бессмертных образов в различные эпохи, их романное бытие представлено на фоне судеб реальных исторических личностей — Франциска Ассизского, Игнатия Лойолы, Савонаролы, политических и культурных деятелей XX в. Определяется сущность творческих методов русского и испанского писателей как «реализма в высшем смысле», критически осмысливается бахтинская теория карнавала. Впервые выделяется содержательная и жанровая близость последних творений Достоевского и Сервантеса — романов «Братья Карамазовы» и «Странствия Персилеса и Сихизмунды».

ББК 83.3

*На переплете: памятник Сервантесу в Мадриде
и портрет Ф. М. Достоевского (фото К. А. Шаниро 1879 г.)*

ISBN 978-5-9551-0537-6

© Языки славянской культуры, 2013
© К. А. Степанян, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава I. Жизнь как путь	13
Глава II. Средневековье, Возрождение, карнавал	36
Глава III. Переключка стран и времен	46
Глава IV. Сервантес: движение к «Дон Кихоту»	58
Глава V. Достоевский: движение к «Дон Кихоту»	83
Глава VI. Христос вне истины	95
Глава VII. Дон Кихот и князь Мышкин в поисках реальности . . .	127
Глава VIII. Великий инквизитор	173
Глава IX. Самозванец	182
Глава X. Изменение имен. Франциск Ассизский и путешествие за верой	191
Глава XI. Жизнь есть сон?	235
Глава XII. Христианская трагедия	272
Глава XIII. «Пусть потрудятся сами читатели»	293
Глава XIV. Дон Кихот против бесов	300
Глава XV. «Странствия Персилеса и Сихизмунды» и «Братья Карамазовы» — романы о счастливом браке	318
Заключение	349

Дон Кихот попросил оставить его одного, ибо его, дескать, клонит ко сну. <...> Он проспал более шести часов подряд, как говорится, без просыпу, так что ключница и племянница уже забеспокоились, не умер ли он во сне. По прошествии указанного времени он, однако ж, пробудился и громко воскликнул: «Благословен всемогущий Бог, столь великую явивший мне милость <...> Разум мой прояснился <...> Поздравьте меня, дорогие мои: я уже не Дон Кихот Ламанчский, а Алонсо Кихано, за свой нрав и обычай прозванный Добрым»

(*Мигель де Сервантес*. Вторая часть хитроумного кабадьера Дон Кихота Ламанчского, глава LXXIV).

Я... я скоро умру во сне; я думал, что я нынешнюю ночь умру во сне

(*Ф. М. Достоевский*. Идиот, часть IV, глава IX, из разговора князя Мышкина с Радомским).

Введение

Как писал М. Бахтин, каждое крупное художественное произведение, входящее в «большое время», обогащается «новыми значениями, новыми смыслами», все более раскрывая заложенное в нем содержание, «эти произведения как бы перерастают то, чем они были в эпоху своего создания». Нередко это происходит в результате встречи с другим крупным художественным явлением: «один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим <...> смыслом: между ними начинается как бы диалог»¹. К романам «Дон Кихот» и «Идиот» это относится в высшей степени. В центре их — человек, бро-

¹ *Бахтин М. М.* Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры,

сающийся в мир творить добро, искоренять зло и помогать ближним, и, однако, в итоге приносящий большинству тех, кому стремился помочь, гораздо больше зла, чем добра, и в то же время у многих вызывающий искреннюю симпатию, любовь и даже поклонение; всеми окружающими откровенно или за глаза признаваемый безумным, — при этом мудрость его мало кто решается отрицать; а главное, на века ставший в сознании большинства читателей образцом доброты, самоотверженности и благородства. Со времени создания первого из этих гениальных произведений прошло почти четыре века, второго — более ста сорока лет, но можем ли мы сказать, что поняли хотя бы в главном ту правду о человеке и человечестве, которая заложена в них? Осмелимся сказать, что далеко не полностью (по ироническому замечанию испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, Сервантес на небесах все вслушивается в наши споры о его романе, ожидая, что, наконец, «у него родится внук (el nieto), который сможет понять его»²; то же можно с еще большим правом сказать о Достоевском).

В своем «Введении к “Дон Кихоту”» Г. Гейне писал о романе Сервантеса как о попытке «слишком рано ввести будущее в настоящее»³. В свою очередь, откликаясь на появление романа «Идиот», М. Салтыков-Щедрин утверждал, что Достоевский тут «вступает в область предвещаний и предчувствий, которые составляют цель не непосредственных, а отдаленнейших исканий человечества»⁴. Как пишет один из ведущих современных испанистов В. Багно, «в ходе осмысления “Дон Кихота” человечеством» приходилось постоянно отказываться от «убеждения в своей равновеликости с автором»: «многие поколения были призваны оспаривать друг у друга право на истину в последней инстанции об ускользавшем у них из рук, но столь притягательном сервантесовском замысле», чрезвычайно труден и вопрос об авторской

2002. С. 454—457. Здесь и далее во всех цитатах слова, выделенные автором цитаты, даются курсивом; выделенные нами — жирным шрифтом.

² Смысл тут, видимо, в том, что Дон Кихота Сервантес в Прологе романа называл своим «сыном». Цит. по: *Martinez Pita Isabel*. Largo, pero bueno: El lenguaje esotérico de Don Quijote de la Mancha (<http://www.chilewarez.cl/foros/showthread.php/24189-Mensajes-ocultos-en-quot-el-Quijote-quot->).

³ Гейне Г. Полное собр. соч.: В 12 т. Т. 8. М.; Л.: ГИХЛ, 1949. С. 140.

⁴ Цит. по: Полное собр. соч. Ф. М. Достоевского: В 30 т. Л.: Наука, 1972—1990. Т. 9. С. 416.

позиции⁵. Еще в XVIII в. испанский просветитель Хосе Кадальсо писал: «Мне не дает покоя мысль, что смысл ее (этой книги. — К. С.), лежащий на поверхности, один, а подлинный — другой, весьма от первого отличный»⁶. А спустя двести лет Х. Ортега-и-Гассет констатировал: «Нет другой такой книги, в которой мощь символических намеков на универсальное значение жизни была бы столь же велика, и в то же время нет другой такой книги, в которой мы находили бы меньше предпосылок, указаний, пригодных для того, чтобы эти намеки интерпретировать»⁷. Все то же самое вполне можно повторить и о романе «Идиот». Очень характерно, что — и тому есть многочисленные примеры, — те исследователи, кто стремился выстроить четкую концепцию этих романов, вынуждены были (сознательно или неосознанно) — «забывать» те или иные их ключевые сцены, фрагменты, сюжетные линии, искусственно «обрезать» те края, которые вылезали из-под принятого ими лекала. Как справедливо пишет Е. Новикова, «предпринятые в последние годы мощные исследовательские усилия подтвердили только одно: “Идиот” по-прежнему остается произведением, не поддающимся единой и целостной интерпретации. Подобный научный результат наводит на размышление о том, что современная наука пока находится только на стадии поисков тех методологических подходов, которые были бы адекватны необычному художественному миру романа»⁸.

Амплитуда оценок главного героя сервантесовского романа колеблется от безоговорочного поклонения до полного развенчания — как и с князем Мышкиным⁹. С. Г. Бочаров писал о «Дон Кихоте»: это «спор

⁵ Багно В. Е. Дорогами «Дон Кихота». М.: Книга, 1988. С. 5, 6, 161.

⁶ Там же. С. 239.

⁷ Diccionario de literature española. Madrid, 1972. P. 187 (цит. по: Журавлев О. В. Ортега-и-Гассет. Размышления о гуманизме и о Дон Кихоте // Сервантесовские чтения. 1985. Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1985. С. 194).

⁸ Новикова Е. Г. Аделаида и князь Мышкин: самоопределение художника в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. № 18. СПб.: Серебряный век, 2003. С. 47.

⁹ Но если диапазон оценок Дон Кихота почти всегда был предельно широк (применительно только к отечественной мысли см., к примеру, составленную недавно В. Багно антологию «Сервантес: pro et contra». СПб.: РХГА, 2011 / коммент. О. А. Светлаковой, К. С. Корконосенко), то в достоевистике отход от господствовавшей долгое время однозначно-апологетической трактовки образа князя

о реальности идеала»¹⁰. Но ведь то же можно сказать и о романе Достоевского. Конечно, процесс постижения таких книг (то есть последовательного развертывания их содержания) завершится только с окончанием нынешней истории человечества, но порой бывает так, что более или менее устоявшееся их восприятие на какое-то время способствует возникновению инерции. И вот тут, думается, два великих романа способны в некотором роде помогать друг другу. В данном случае имеем в виду то, что споры, активно ведущиеся сейчас вокруг романа «Идиот», помогают по-новому понять и роман Сервантеса, и, главное, переключку этих произведений через века. Здесь открываются неожиданные и не отмеченные ранее смыслы, либо же те смыслы, которые были выявлены в одном из этих романов, но оставались дискуссионными, могут быть подкреплены авторитетом другого. Но не менее важен и сопоставительный анализ творческой и духовной эволюции их авторов на пути к созданию этих произведений (и в самом процессе их написания, что, как мы увидим, тоже имело место); многое помогает понять и история восприятия Достоевским творчества своего гениального предшественника. Такая работа — в широком контексте истории мировой культуры, духовного развития Испании и России, религиозного и философского осмысления писателями двух стран роли и места человека в мироздании — проделана еще не была, несмотря на то, что сопоставление рома-

Мышкина как «положительно прекрасного» человека намечался лишь в последние два-три десятилетия. Назову здесь работы: *Джоунс М.* К пониманию образа князя Мышкина // *Достоевский. Материалы и исследования.* Т. 2. Л.: Наука, 1976. С. 106—112; *Левина Л. А.* Некающаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну // *Достоевский в конце XX века.* М.: Классика плюс, 1996. С. 343—358; *Касаткина Т. А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 248—265, 354—392, 405—411. Достаточно полно спектр различных точек зрения на этот роман представлен в: Роман Ф. М. Достоевского «Идиот». Современное состояние изучения. Сб. работ отечеств. и заруб. ученых / Под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наследие, 2001. Там же обширная библиография работ за три последних десятилетия. Краткий обзор полярных трактовок образа главного героя романа см. также: *Достоевский. Сочинения, письма, документы. Словарь-справочник* / Сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2008. С. 106—107.

¹⁰ *Бочаров С. Г.* О композиции «Дон Кихота» // *Сервантес и всемирная литература.* М.: Наука, 1969. С. 88.

нов «Дон Кихот» и «Идиот» началось в первые же годы после появления романа Достоевского. Между тем подобное исследование позволит уяснить многое в истории человечества и в природе человека, его отношениях с Богом, понять пути развития испанской и русской литератур, определенные закономерности развития европейской культуры. Попробуем прислушаться к диалогу двух гениев мировой литературы в «большом времени», услышать их ответы на вечные вопросы бытия.

Книг, специально посвященных нашей теме, до сих пор не существует ни в России, ни в Испании, ни в остальном мире (что весьма странно, учитывая, что Достоевский не раз называл Сервантеса, наряду с Шекспиром и Шиллером, в числе трех величайших гениев мировой литературы). При этом если в отечественной достоевистике по отдельным аспектам интересующей нас проблемы насчитывается не один десяток исследований (все наиболее значительные из них представлены — кратким или обширным цитированием — в нашей книге), то отечественная сервантистика в этом отношении таким разнообразием похвастаться не может. Помимо вышедшего полвека назад фундаментального труда К. Н. Державина «Сервантес»¹¹ и замечательного сборника «Сервантес и всемирная литература», где особо выделяется не потерявшая актуальности и сегодня статья С. Бочарова «О композиции “Дон Кихота”» (уже процитированная выше), следует назвать в первую очередь работы двух крупнейших современных испанистов В. Багно и С. Пискуновой; к ним мы часто обращаемся — в чем-то соглашаясь и с чем-то споря — в данной книге. Конечно, рассуждая о творчестве Сервантеса, невозможно обойтись без обращения к работам выдающихся испанских мыслителей М. де Унамуно и Х. Ортеги-и-Гассета, замечательных испанских филологов М. Менендеса-и-Пелайо, Р. Менедеса Пидалья и Г. Диас-Плаха. В 1950 г. в США вышла книга Л. Букетовой-Туркевич «Сервантес в России»¹². Несколько лет назад в издательстве «Рудомино» вышло интереснейшее издание «Он въезжает из другого века...», где собраны суждения, соображения и оценки, высказанные отечественными писателями, критиками, философами по

¹¹ Державин К. Н. Сервантес. Жизнь и творчество. М.: ГИХЛ, 1958.

¹² Buketoff Turkevich L. Cervantes in Russia. Princeton: Princeton Univ. Press, 1950.

поводу гениального создания Сервантеса¹³. И, конечно, как явствует хотя бы из заглавия нашей работы, по ходу анализа мы будем постоянно обращаться (зачастую, признаться, в полемических целях) к трудам выдающегося русского филолога М. Бахтина, благо завершенное недавно шеститомное собрание его сочинений — лучшее по качеству подготовки литературоведческое издание последнего десятилетия, на наш взгляд, — предоставляет для этого отличные возможности.

¹³ Он въезжает из другого века... *Дон Кихот в России* / Сост., вступит. ст. и примеч. Л. М. Бурмистрова. М.: Рудомино, 2006.

Глава I

ЖИЗНЬ КАК ПУТЬ

Удивительно много общего в биографиях Сервантеса и Достоевского. Биографию первого из них постараемся изложить более подробно, полагая, что жизненный путь Достоевского лучше известен отечественному читателю; хотя, надо сказать, *достоверных* сведений о жизни испанского классика, как ни странно, сохранилось очень мало, так что впоследствии авторам его жизнеописаний многое приходилось додумывать от себя. Впрочем, надо помнить, что «всегда остается неизвестной до конца подлинная биография подлинного художника»¹⁴, к гениальным художникам эта истина приложима тем более. «Слава — это непонимание, — писал Х. Л. Борхес в знаменитом эссе «Пьер Менар, автор “Дон Кихота”», — а может, и того хуже»¹⁵.

Среди ближайших предков и Сервантеса, и Достоевского были священнослужители и врачи: дед и многие другие представители рода Достоевских были в XVII веке православными и униатскими священниками, а отец писателя — врач с более чем двадцатилетним стажем; медиком-хирургом был и отец Сервантеса, прадед Сервантеса — бакалавром, дед — лицензиатом и алькальдом (то есть исполнял судебские должности)¹⁶. Как ни относиться к теории наследственности и генетической памяти, нельзя не признать, что наличие таких предков способствует глубокому знанию духовной и физической природы человека. Явившийся в этот мир предположительно в сентябре-октябре 1547 года

¹⁴ *Ростовцева Инна*. Вирус низкопробщины // НГ-Ех libris от 11.06.2009. С. 7.

¹⁵ *Борхес Х. Л.* Проза разных лет: Сборник / Пер. с исп.; сост. и предисл. И. Тертерян; коммент. Б. Дубина. М.: Радуга, 1984. С. 67.

¹⁶ Бакалавр и лицензиат в Средневековье были не только учеными степенями, как сейчас (собственно, лицензиат тогда не был и степенью, но лишь званием, промежуточным между бакалавром и доктором), но и могли означать принадлежность к духовному сану, если речь шла о студенте или выпускнике факультета теологии.

в Алькала-де-Энарес (маленьком городке с многовековой историей¹⁷), Мигель был четвертым ребенком в семье потомка старинного, но обедневшего дворянского рода — идадьго Родриго де Сервантеса и его супруги Леоноры де Кортинас (а всего в семье было семеро детей)¹⁸. Семеро братьев и сестер было и у Федора Достоевского. Фамилия Достоевских также принадлежит к числу очень древних дворянских фамилий. Известно, что чуть более 500 лет назад (в 1506 г.) пинский князь Федор Иванович Ярославич, потомок героя Куликовской битвы, серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго, даровал своему боярину Даниле Ивановичу Иртищевичу (Ртищевичу, Артищевичу) «на вечное владение» село Достоево, находившееся недалеко от Пинска (Западная Белоруссия). По названию этого села предки писателя, начиная с Данилы Ивановича, и стали именоваться сначала Достоевскими, а потом и Достоевскими. Затем потомки Данилы Ивановича жили на землях Западной Белоруссии и Западной Украины. Отец великого писателя, Михаил Андреевич Достоевский, был родом из Подольской губернии, из семьи священника. В юности он учился в Подольской духовной семинарии, а в 1809 году вместе с группой учеников и студентов семинарии отправился в Москву, чтобы по императорскому указу продолжить обучение в Медико-хирургической академии. Во время войны 1812 года М. А. Достоевский был командирован в военный госпиталь, с 1813 года состоял в Бородинском пехотном полку. После восьми лет военной службы в начале 1821 года был определен на должность штаб-лекаря в Московскую Мариинскую больницу для бедных¹⁹. Связи с жившими в западных провинциях родственниками были практически полностью оборваны, так что Михаилу Андреевичу пришлось вновь

¹⁷ Люди здесь жили, как ныне установлено, еще в эпоху неолита, в римские времена место это было известно как Комплутум, первое историческое упоминание о городе относится к 304 году — тогда, в правление императора Диоклетиана, здесь были замучены двое мальчиков-христиан, Хусто и Пастор, через столетие канонизированных.

¹⁸ *Державин К. Н.* Сервантес. Жизнь и творчество. С. 11.

¹⁹ См.: *Волгин И. Л.* Родиться в России. М.: Книга, 1991; *Богданов Н., Роговой А.* Родословие Достоевских. В поисках утерянных звеньев // 500 лет роду Достоевских / Под ред. Ю. И. Минералова, Н. Н. Богданова, О. Ю. Юрьевой. Межвузовский сб. науч. трудов. Вып. 18. М.; Иркутск: Изд-во ГОУ ВПО «Ирк. гос. пед. ун-т», 2008. С. 9—61.

добиваться получения дворянского звания. Это ему удалось, когда он дослужился до чина коллежского асессора и был награжден орденом²⁰. В 1820 году М. А. Достоевский женился на дочери московского купца Марии Федоровне Нечаевой, 30 октября (11 ноября по новому стилю) 1821 года в их семье родился второй сын — Федор.

Оба писателя получили достаточно хорошее образование. Хотя семья Сервантесов была очень бедна и в поисках заработка для отца часто переезжала из города в город, какое-то время они жили в Мадриде, где будущий великий писатель обучался несколько лет в школе у известного гуманиста грамматика Хуана Лопеса де Ойос. Существует также предположение, что Сервантес, несмотря на то, что по бедности не мог учиться в знаменитом университете своего родного города Алькала-де-Энарес (первом университете в Испании, основанном в 1499 г., здесь учились Игнатий Лойола, Лопе де Вега, Кальдерон, Тирсо де Молина; об этом университете и его основателе мы еще вспомним в дальнейшем), поступил в услужение одному из студентов и таким образом смог изучить университетский курс или хотя бы часть его²¹. Совсем небогата была и семья Достоевских, но родители очень старались — и сумели — обеспечить достойное обучение своим детям, особенно старшим — Михаилу и Федору. И Сервантес, и Достоевский были в молодости на военной службе. Правда, Достоевский только в период учебы в Главном военном инженерном училище и последующего недолгого пребывания в Главном инженерном управлении, а затем нескольких послекаторжных лет в Сибири; в военных действиях он участия не принимал. Сервантес же, уехав в возрасте 22 лет в Рим в свите кардинала Аквавивы (по некоторым сведениям, спасаясь от наказания за уличную стычку, один из участников которой был убит или тяжело ранен), вскоре поступил на военную службу в той же Италии (значительная часть которой принадлежала в те времена Испании) и участвовал в вошедшей в мировую историю морской битве при Лепанто (1571 г.). В этом сражении соединенный флот Священной лиги (основанная в 1571 г. коалиция католических стран, в которую входили Венецианская республика, Испания, папа римский, Генуя, а также Савойя, Мальта,

²⁰ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 31—32.

²¹ Всевожский А. Рыцарь Печального Образа (<http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/vsevolzhskij-rycar.htm>).

Тоскана и Парма) наголову разгромил флот Османской империи, претендовавшей тогда на власть над всем Средиземноморьем. В том бою Сервантес вел себя героически и получил две огнестрельные раны в грудь и одну в предплечье левой руки, вызвавшую ее паралич, — «к вящей славе правой», как с грустной иронией утверждал впоследствии сам писатель (4; 196)²². Участвовал Сервантес и в знаменитой битве при Наварине в 1572 году. Многие отечественные читатели, видимо, помнят знаменитый чичиковский сюртук «цвета наваринского пламени с дымом»; на самом же деле это действительно было одно из величайших сражений в европейской истории, итогом которого была остановка турецкой экспансии на европейском юге.

За годы, проведенные в Италии, Сервантес сумел побывать не только в Риме, но и в Генуе, Милане, Сиене, Неаполе, Флоренции, Болонье, Венеции, Палермо, а возможно, и в других итальянских городах, познакомиться с античной культурой и современным искусством этой передовой тогда в культурном отношении страны, открывшей эпоху Возрождения в европейской истории. С детства он любил много читать (вплоть до того, что, опять-таки по собственному признанию в одной из первых глав романа «Дон Кихот», читал даже случайно подобранные на улице обрывки бумаги с напечатанным или написанным текстом). «Гениальным читателем» был, по определению А. Бема, и Достоевский²³. Причем это выражалось, конечно, не только в большой эрудиции и начитанности обоих, но и в том, что они в своем творчестве продолжали, разрабатывали и гениально развивали все, найденное или только смутно угаданное их предшественниками во всей мировой литературе. В частности, Сервантес в период пребывания в Италии жадно читал Данте, Петрарку, Ариосто, Тассо, Боярдо, Бокаччо и других наиболее известных тогда авторов итальянского Возрождения; в Италии в те времена входил в моду жанр новеллы, многочисленные произведения этого жан-

²² Здесь и далее все цитаты из произведений Сервантеса (кроме романа «Дон Кихот») даются по изданию: *Сервантес Сааведра Мигель де*. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Библиотека изд-ва «Правда», 1961, с указанием в скобках арабскими цифрами соответствующего тома и, через точку с запятой, страницы.

²³ Бем А. Л. Достоевский — гениальный читатель // О Достоевском. Сб. статей / Под ред. А. Л. Бема. Прага. 1929/1933/1936. Сост., вступит. ст. М. Магидовой; коммент. М. Магидовой при участии П. Е. Фокина. М.: Русский путь, 2007. С. 206—218.

ра Сервантес наверняка читал, что помогло ему впоследствии прививать новеллу и на испанской почве.

В 1575 году Сервантес и его младший брат Родриго, который тоже служил в Италии, решают вернуться на Родину. Однако галера, на борту которой они находились, была захвачена алжирскими пиратами. Долгих пять лет Сервантесу пришлось провести в жесточайших условиях мусульманского плена. При захвате у него нашли рекомендательное письмо в Испанию от главнокомандующего испанскими войсками в Италии Хуана Австрийского (данное ему как особо отличившемуся в боях), и алжирцы, решив, что он важное лицо, запросили за него огромный выкуп. Жившая в бедности семья Сервантесов — которой в то время пришлось еще выручать из пиратского плена Родриго — не могла быстро собрать такие деньги. Только в 1580 году он был выкуплен с помощью монахов-тринитариев и смог вернуться в Испанию.

Достоевский же, как известно, после окончания Главного военного инженерного училища очень недолго прослужил и затем вышел в отставку, решив посвятить себя целиком литературному творчеству. Решение это было судьбоносным — без него не состоялась бы, наверно, судьба великого писателя, но одновременно оно обрекло Достоевского на жизнь, большая часть которой прошла в тяжелейшей борьбе с бедностью, бесконечными долгами и займами. Доходило до того, что порой в гостинице, где он жил за границей — куда надолго уехал с семьей в 1860—1870-х годах, спасаясь от многочисленных кредиторов на Родине — ему не на что было заказать стакан чаю; только в последние годы жизнь его в материальном плане несколько стабилизировалась. Первыми его литературными опытами были драматические сочинения (света рампы не увидевшие и до нас не дошедшие, известно только, что сюжетами их были судьбы Бориса Годунова, Марии Стюарт и «жида Янкеля») и перевод романа Бальзака «Евгения Гранде». После впечатляющего успеха первого своего романа «Бедные люди» (которое было ошибочно истолковано не как потрясающая трагедия вроде бы любящих друг друга, но не умеющих друг друга *услышать*, а потому — *бедных* людей, а как «социальный протест») он стал своим в передовых кругах творческой интеллигенции и подвергся искушению многими модными в ту пору теориями и учениями, главными из которых были теории изменения социального и государственного строя. Кардинально преобразовать его внутренний мир эти теории, конечно, не могли. Уже во втором своем

произведении, повести «Двойник», Достоевский показал, какие бездны зла и «темных чувств» таятся в глубине души «маленького человека», которому принято было только сочувствовать как жертве несправедливого социального устройства. А в повести «Хозяйка» вышел уже (правда, пока еще «ощупью») к таким метафизическим глубинам устройства мира, которые лежали много дальше социально-политической проблематики, — тем самым очень разочаровав своих «прогрессивных» учителей во главе с Белинским, в раздражении написавшим в феврале 1848 г. критику П. В. Анненкову, как «надулись мы, брат, с Достоевским-гением!»²⁴. Но в то же время на молодого Достоевского не могли не оказать влияния популярные в то время социальные, политические и философские доктрины, обосновывавшие насильственную переделку мира. Вырастали эти доктрины, в своей уходящей в далекие прошлые века основе, из гностических учений, утверждавших, что мир создан злым Демидургом и потому погряз во зле, Христос же приходил, чтобы исправить это, но потерпел неудачу, а потому сейчас долг всех честных людей еще раз вместе со Христом попытаться переделать мир. Но уже не проповедями, что в свое время «не удалось» Христу, а более радикальными методами.

Мы очень мало знаем о мировоззрении и внутренней жизни Достоевского со времени его приезда в Петербург из Москвы в 1837 г. и до ареста в апреле 1849 г., о том, как проходило противоборство светлых романтических идеалов его юности с соблазнами и искушениями (главным образом идеологическими) столичного города. В. Захаров считает, что Достоевский уже с первых своих шагов в литературе был писателем христианской традиции²⁵. Не станем возражать по существу, но думается, что в те годы, о которых идет речь, христианство Достоевского, не прошедшее еще огненное «горнило сомнений» и испытаний (о котором, как о необходимой предпосылке своей *осанны*, он писал в конце жизни, в период создания «Братьев Карамазовых» — 27; 86)²⁶, не было еще

²⁴ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959. Т. 12. С. 467.

²⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты / Издание в авторской орфографии и пунктуации под ред. проф. В. Н. Захарова (издание продолжается). Т. I. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 617, 621.

²⁶ Здесь и далее все цитаты из произведений, подготовительных материалов и писем Ф. М. Достоевского приводятся по Полному собранию сочинений в 30-ти т. (Л.: Наука, 1972—1990), с указанием в скобках арабскими цифрами

достаточно стойким и укорененным. Вспомним, что спустя совсем недолгое время после написания «Бедных людей» Достоевский, встретившись с Белинским, «страстно принял все учение его» (21; 12). И это не были всего лишь прекраснодушные социалистические упования — так порой склонны считать исследователи. Как показал в своей обстоятельной работе «Диалог Белинского и Достоевского: философская алгебра и социальная арифметика» И. Виноградов, «учение» Белинского той поры представляло собой жуткую веру в то, что миром управляет некое абсолютно злое и абсолютно равнодушное к человеку начало. Вот что писал Белинский (правда, в частном письме):

Велик Брама — ему слава и поклонение во веки веков! Он порождает, он и пожирает, все из него и все в него — бездна, из которой все и в которую все! Леденеет от ужаса бедный человек при виде его! Слава ему, слава: он и бьет-то нас, не думая о нас, а так — надо ж ему что-нибудь делать. Наши мольбы, нашу благодарность и наши вопли — он слушает их с сигаркой во рту и только поплеывает на нас, в знак своего внимания к нам...

Погибающая собака возбуждает в нас жалость, мухи гибнут тысячами на наших глазах — и мы не жалеем их, ибо привыкли думать, что случайно рождаются и случайно исчезают. А разве рождение и гибель человека не случайность? Разве жизнь наша не на волоске всечастно и не зависит от пустяков?.. Разве Бог не всемогущ и не безжалостен, как эта мертвая и бессознательно-разумная природа, которая матерински хранит роды и виды по своим политико-экономическим расчетам, а с индивидуумами поступает хуже, чем злая мачеха? Люди в глазах природы то же, что скот в глазах сельского хозяина: хладнокровно решает она: этого на племя пустить, а этого резать²⁷.

И. Виноградов (отдавая, впрочем, приоритет В. Кирпотину) проводит здесь прямую параллель с «огромным, неумолимым и немым зве-

соответствующего тома (римской цифрой — соотв. полутома) и, через точку с запятой, страницы. В этих, как и во всех других цитатах из изданий советского периода, заглавные буквы в написании имен Бога, Богородицы, других святых имен и понятий, вынужденно пониженные по требованиям цензуры, восстанавливаются.

²⁷ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1982. С. 503—504.

рем», управляющим миром, по мнению Ипполита (роман «Идиот») ²⁸. А отсюда Белинский, продолжает исследователь, закономерно делает вывод о том, что оставленный на собственный произвол (то есть лишенный божественной благодати) человек может и должен, в рамках собственной судьбы, переустраивать мир по своему усмотрению — и, как высшее проявление «атеистического гуманизма», совершать кровавые революции. Да, погибли при этом десятки тысяч, но «что кровь тысячей по сравнению с унижением и страданием миллионов?» А это уже — доведенная до предела раскольниковская арифметика, справедливо указывает Виноградов ²⁹. И вот *такое* учение принял автор «Бедных людей», впоследствии характеризовавший этот период своей жизни так: «*Нечаевым* (то есть самым страшным русским революционером XIX века, отвергавшим всякие моральные нормы на пути к революционному перевороту; Достоевский изобразил его впоследствии в романе «Бесы» под именем Петра Верховенского. — К. С.), **вероятно**», он тогда «не мог сделаться», однако «*нечаевцем*» — «не ручаюсь, может и мог бы <...> в случае если б так обернулось дело» (21; 129).

В литературе о Достоевском часто цитируются знаменитые строки из «Петербургских сновидений в стихах и прозе», где он описывает свое видение на Неве однажды в зимний январский вечер, когда на фоне догорающего заката, в отблесках инея и мерзлого пара ему вдруг показалось, «что весь этот мир, со всеми жильцами его, сильными и слабыми, со всеми жилищами их, приютами нищих или раззолоченными палатами, в этот сумеречный час походит на фантастическую, волшебную грезу, на сон, который в свою очередь тотчас исчезнет и исcurится паром к темно-синему небу <...> Я как будто что-то понял в эту минуту, до сих пор только шевелившееся во мне, но еще не осмысленное; как будто прозрел во что-то новое, совершенно в новый мир, мне незнакомый и известный только по каким-то темным слухам, по каким-то таинственным знакам. Я полагаю, что с той именно минуты началось мое существование...» И вскоре затем — уже в одиночестве, в собственной комнате — ему явилось другое видение: «И стал я разглядывать и вдруг увидел какие-то странные лица. Все это были странные, чудные фигуры, вполне про-

²⁸ Виноградов И. И. По живому следу. Духовные искания русской классики. Литературно-критические статьи. М.: Советский писатель, 1987. С. 86—87, 99.

²⁹ Виноградов И. И. Указ. соч. С. 94—95.

заические, вовсе не Дон Карлосы и Позы, а вполне титулярные советники и в то же время какие-то фантастические титулярные советники. Кто-то гримасничал передо мною, спрятавшись за всю эту фантастическую толпу, и передергивал какие-то нитки, пружинки, и куколки эти двигались, а он хохотал и всё хохотал!» (19; 69—71).

Этот переломный момент в жизни и творчестве Достоевского обычно относится исследователями к зиме 1844 г. и совпадает с ключевым этапом в творческой истории «Бедных людей» — когда первоначальная «сентиментальная повесть об обманутой девушке» соединяется с историями Макара Девушкина, отца и сына Покровских, «горемыки Горшкова», — то есть возникает собственно роман «Бедные люди»³⁰. Трактуются это как переход от сентиментально-романтического к реалистическому или социально-критическому восприятию мира. Думается, что здесь речь идет несколько о другом. Можно расценить это как первое осознание великим писателем онтологической *реальности зла*, то есть присутствия в мире того реального злого начала («кто-то гримасничал передо мною, спрятавшись за эту фантастическую толпу, и <...> хохотал и всё хохотал!»), в рабство к которому попадают не знающие истину люди («передергивал какие-то нитки, пружинки, и куколки эти двигались»). Это, конечно, в корне расходилось с господствовавшими в то время утопическими социальными воззрениями, согласно которым люди, сразу после установления «справедливых» социальных условий, заживут радостно и счастливо. Можно понять раздражение Белинского и людей его круга, когда они догадались об этом. Только осознано было *такое* содержание «Бедных людей» и всего творчества Достоевского далеко не сразу. Что касается «Бедных людей», то, пожалуй, в восприятии многих читателей этого не произошло и до сих пор.

Представление о мире как управляемом силами зла подвигает на выбор одного из трех путей дальнейших действий: либо это будет путь внутреннего воскресения человека — освобождения из рабства; либо, как уже говорилось выше, насильственного изменения «лежащего во зле» мира; возможно и склониться к фатализму обреченности: зло не просто «таится в человеке глубже, чем предполагают лекаря социалисты» (как писал

³⁰ Бем А. Л. Первые шаги Достоевского (Генезис романа «Бедные люди») // Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 73—77.